УДК 342.3 DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-3-59-69

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИТОГИ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА В РОССИИ

Баранов Павел Петрович доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону, Россия).
E-mail: pravosoznanie@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются политические и правовые аспекты конституционной реформы 2020 г. в России с точки зрения их влияния на дальнейшее развитие всей системы политических и конституционно-правовых отношений в России. Автор анализирует конкретные конституционные поправки как с точки зрения их технического исполнения, так и в контексте оценки их политико-правовых содержательных аспектов, а также их возможной конкретизации в отраслевом законодательстве. Отдельного внимания в статье удостаиваются и процедурные аспекты конституционной реформы, а также вопросы касающиеся распределения «нового» конституционного материала по соответствующим главам. В статье делаются выводы о социальной обусловленности, геополитической предопределенности и консервативной направленности конституционной реформы, однако, высказываются некоторые критические замечания в отношении способов достижения поставленных перед законодателем задач.

Ключевые слова: *брачно-семейные отношения, государственный язык, конституционная реформа, консервативные ценности, конституционное правосудие, Конституция РФ, местное самоуправление, права и свободы личности, разделение властей.*

Конституция РФ традиционно рассматривается как документ, обладающий не только формально-юридическими характеристиками, но и значительным политическим потенциалом. Определяя систему государственных приоритетов во внутренней и внешней политике, Конституция РФ оказывает значительное влияние не только на практическую деятельность органов публичной власти, но и на правовое сознание россиян. Современная конституционная реформа стала самой масштабной с момента принятия Конституции РФ 1993 г. Количество конституционных поправок таково, что их даже наиболее общий анализ будет представлять значительное и объемное исследование. Предпринятый в данной статье анализ промежуточных и прогнозиру-

емых итогов конституционной реформы 2020 г. преследует цель показать наиболее общие и значимые тенденции в государственном строительстве, а также обратить внимание на наиболее проблемные и активно обсуждаемые аспекты содержания и различных аспектов реализации конституционных поправок.

Прежде всего отметим, что значительная часть изменений конституционного текста, не исключая и те, которые направлены на реформу публичной власти, можно условно обозначить как реформы консервативного характера, необходимость которых достаточно давно обсуждалась на страницах юридической литературы. Идея соответствующих перемен давно назревала, а сама необходимость подобных изменений на концептуальном и прикладном уровнях проистекала из утверждения, что классическая либеральная идеология на современной российской почве приживалась достаточно неохотно. Однако в последнее время наметилась активная тенденция консервативного переосмысления универсальных правовых ценностей, которая получила свое продолжение как на уровне текущего законодательства, так и на уровне правовых позиций Конституционного Суда РФ. В общетеоретическом аспекте соответствующая проблема была обозначена как переход от политических иллюзий и правового романтизма к юридическому реализму. Необходимость такого национал-консервативного переосмысления когда-то безальтернативных правовых максим была вызвана тем, что изначально, основные конституционные положения в области прав человека были значительным образом универсализированы и не учитывали национальных традиций «коллективизма и соборности» [4].

Решение данной проблемы виделось различным ученым по-разному. Часть авторов придерживалась идеи «живой», не требующей концептуальной формально-юридической коррекции Конституции. Другие – видели в изменении Конституции наиболее эффективный способ коррекции уже сложившихся конституционно-правовых отношений, возможность привести их в соответствие с особенностями конституционно-правовой культуры россиян. Показательным в этом смысле было высказывание Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, о поверхностности и недальновидности представлений о том, что путем конституционной реформы «можно изменить ход событий и развернуть их в каком-то более правильном направлении» [3]. Следует признать, что в конечном итоге масштабная конституционная реформа все же состоялась. Однако, вопрос о том, насколько серьезно она затронула концептуальные и основополагающие аспекты современной конституционно-правовой действительности остается открытым.

Как мы уже отметили, консервативный характер реформы не вызывает сомнения, как и ее социальная, политическая и геополитическая предопределенность и обусловленность. Однако вопрос о том, насколько конечные конституционные формулировки удовлетворили консервативно настроенную часть общества уже сейчас вызывает большое количество дискуссий. С одной стороны, было введено понятие «русского языка, как языка государствообразующего народа» (ч. 1 ст. 68 Конституции РФ), однако какое-либо уточнение понятия государствообразующий народ в текущем отечественном законодательстве отсутствует. Тот факт, что отдельные исследователи поспешили «отпраздновать» юридизацию и конституционализацию понятия «русский народ» (в значении государствообразующего) говорит в большей

степени о соответствующих ожиданиях консервативно настроенных авторов, нежели о новых реалиях современной конституционной действительности. На деле мы получили еще одно подтверждение важности и значимости русского языка, как государствообразующего языка, без какой-либо четкой привязки к его народу-носителю, которой так жаждала определенная часть российского общества.

Нельзя также не высказать и некоторые сомнение в целесообразности закрепления понимания «брака» в статье, посвященной предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. ж.1 ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Предшествующая соответствующей поправке законодательная дискуссия в итоге ограничилась разделением категорий «брак» и «семья», с чем, конечно, нельзя не согласиться. Однако по поводу окончательного законодательного решения о раскрытии традиционной трактовки брака в тексте Конституции можно высказать и ряд критических соображений. Во-первых, еще раз отметим, что речь идет о статье, а точнее трех статьях (ст. 71-73), посвященных разграничению полномочий Российской Федерации и ее субъектов. Полноценное раскрытие концептуальных положений семейного права по формальным критериям не относится к функциональному назначению данной статьи. Во-вторых, следует отметить, что конкретно в такой формулировке положения данной статьи не выглядят однозначными.

Тот факт, что в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находится защита института брака как союза мужчины и женщины может означать, что защита иных аспектов института брака относится к сфере действия другой статьи, например, ст. 71 или ст. 73. В-третьих, определение брака как союза мужчины и женщины не препятствует введению в отраслевое законодательство таких институциональных категорий, как, например, «брачное партнерство» (какое-либо иное аналогичное партнерство), для этого потребовались бы более категоричные формулировки, например, «запрещается создание (регистрация)…» и др. То есть, четкого и однозначного запрета на государственную регистрацию (по аналогии с браком) однополых партнерств, чего по сути и добивались авторы поправок, в Конституции РФ как не было, так и нет. В-четвертых, положения Конституции о том, что брак – это союз мужчины и женщины уже были озвучены в ч. 3 ст. 1 Семейного кодекса РФ, т.е. ничего нового, особенно учитывая возможность расширительного толкования данной статьи Конституции, данная поправка не внесла. Отметим также, что в соответствии с ч. 4 ст. 1 Семейного кодекса запрещаются любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Нетрудно заметить, что традиционно упоминаемый в подобных случаях «половой» признак отсутствует, т.е. соответствующие ограничения отраслевым законодательством уже предусмотрены, что создает необходимую преграду для заключения однополых браков в России. Однако, как мы уже отметили в своем расширительном толковании Конституция РФ по формальным критериям, не сможет препятствовать развитию идеи «однополых партнерств» на уровне отраслевого законодательства, что серьезно уменьшает соответствующий потенциал нововведенных конституционных положений, особенно учитывая то, в какой главе Конституции они были размещены.

Конституционная реформа 2020 г. значительным образом изменила политический расклад сил в системе разделения властей (учитывая и формально не обозначенную в Конституции президентскую власть). И если в прежние времена дискуссия о сложившейся форме правления в России (президентской или смешанной), так или иначе развивалась, сегодня существование в России именно президентской республики подтверждено на самом высоком уровне. В этой связи и весь блок соответствующих конституционных изменений, касающихся перераспределения полномочий между органами государственной власти рассматривается как продолжение курса на усиление президентской власти. Как отмечают исследователи «ключевым трендом поправок-2020 стала дальнейшая концентрация верховной власти», в свою очередь с принятием либо неприятием этого факта и «будет в дальнейшем связано основное противоречие отношений общества и государства, а также перспективы развития собственно конституционного строя».

Скрупулезное рассмотрение перераспределенных и относительно новых полномочий органов государственной власти не относится к задачам данной статьи. В чем будут заключаться функции такого нового органа как Государственный Совет, и каким именно образом это повлияет на распределение политических сил покажет время.

Что же касается наиболее часто обсуждаемого вопроса об «обнулении» предыдущих сроков президентских правлений, то ограничимся напоминанием о том, что Конституционный Суд РФ не нашел в этой части поправок противоречий первой и второй главе Конституции РФ, поэтому по формальным основаниям данную дискуссию можно считать закрытой (Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З).

Оценивая политические итоги конституционной реформы, необходимо обратить пристальное внимание и на изменения, касающиеся состава и полномочий Конституционного Суда РФ. Надо сказать, что вопросы о том, насколько сильно Конституционный Суд РФ вовлечен в политическую жизнь современного российского общества обсуждаются достаточно давно. В рамках изучения проблемы политизации конституционного правосудия высказываются различные, порой диаметрально противоположные, точки зрения, в которых анализируются не только вопросы обусловленности решений Конституционного Суда соображениями политической целесообразности, но и вопросы общего влияния решений Конституционного Суда на современное состояние политических отношений и, в частности, политической свободы В России.

Исходя из указанных обстоятельств, на наш взгляд, конституционные изменения, затрагивающие функционирование Конституционного Суда РФ, следует также относить к политическим несмотря на тот факт, что в соответствии с базовым федеральным конституционным законом Конституционный Суд решает исключительно вопросы права.

Что же касается такого нового конституционного полномочия как возможность разрешать вопрос об исполнении решений межгосударственных, в том числе судебных, органов (п. б ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ), то данное полномочие в усеченном виде ранее уже было закреплено в ст. 3 Федерального конституционного закона «О

Конституционном Суде РФ». О необходимости конституционного оформления соответствующего полномочия говорилось достаточно давно. Нельзя не согласиться с тем, что механизмы межгосударственного (конвенционного и внутригосударственного) взаимодействия требовали серьезной коррекции. Не случайно о важности обеспечения конституционного суверенитета государства говорилось в Постановлении Конституционного Суда РФ (от 14.07.2015 № 21-П). Вместе с тем, нельзя не заметить, что новая конституционная формулировка с формально-юридической точки зрения неидеальна. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что в конституционном варианте нового полномочия возможность проверки исполнимости решения межгосударственного органа ставится в зависимость от их истолкования, противоречащего Конституции.

В свою очередь возможность проверки исполнимости решения межгосударственного органа судебной власти ставится в зависимость от возможного противоречия основам публичного правопорядка. Какое принципиальное и концептуальное значение имеет соответствующее разделение остается невыясненным. Кроме того, сами формулировки, предполагающие обязательный учет, соответственно, истолкования, соответствующего Конституции и противоречия основам публичного правопорядка, вызывают много вопросов. Кто будет принимать решений об «истолковании, соответствующем Конституции» или «противоречии основам публичного правопорядка»? Сам Конституционный Суд или же федеральный орган исполнительной власти (как это закреплено в действующем федеральном конституционном законе)? С другой стороны, используемые формулировки или же заранее нацеливают Конституционный Суд на единственный вариант решения, или же предполагают, что даже в случае «неправильного» истолкования или противоречии основам публичного правопорядка решение Конституционного Суда может быть принято в пользу исполнимости соответствующего решения.

Не меньший интерес представляет и вопрос о том, что же представляет из себя «публичный правопорядок» в узкопрофессиональном или формально-юридическом смысле. Современное российское законодательство оперирует понятием «основы правопорядка (публичный порядок)» (Гражданский кодекс РФ, Семейный Кодекс РФ, Федеральный закон «О международных компаниях и международных фондах»). Категория «публичный правопорядок» хоть и используется в научно-исследовательской литературе, но и там встречается достаточно редко.

Одновременно категория «публичный правопорядок», нечасто, но все же используется в правовых позициях Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Отличается ли оригинальностью новейшая конституционная формулировка и следует ли искать отличия между категориями «основы правопорядка (публичный порядок)» и «публичный правопорядок» еще предстоит ответить ученым. В этой связи отметим, что соответствующие положения федерального конституционного закона несмотря на то, что формально они затрагивали меньшее количество аспектов межгосударственных отношений, были сформулированы более четко.

Не меньший интерес представляет и такое новое полномочие как проверка по запросу Президента РФ конституционности проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов до их подписания Президентом (п. а ч. 5.1 ст. 125

Конституции РФ). Означает ли это, что, единожды проверив федеральный закон на соответствии Конституции Конституционный Суд больше не будет иметь возможности его проверки? Если нет, то какое принципиальное значение будет иметь эта предварительная проверка? В деятельности Конституционного Суда встречаются ситуации, когда в ходе проверки закона на конституционность он, по сути, занимается ликвидацией правовых пробелов, коллизий или же обосновывает единственно возможное истолкование законодательных положений. Несомненно, что возможность обоснования единственно верного истолкования у Конституционного Суда останется даже по отношению к уже «предварительно» проверенным законам. Не случайно профессор Н.С. Бондарь отмечает в своей статье, что Конституционный Суд оставляет за собой право при необходимости обратиться к истолкованию конституционных поправок, вводимых Законом РФ о поправке к Конституции (от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) [3]. Однако, что будет, если объективная необходимость такого истолкования возникнет уже на стадии «предварительной» проверки? Что будет, если на стадии предварительной проверки будет обнаружена пробельность и коллизионность закона, которая может привести к нарушению прав и свобод человека? Даже давая обязательное разъяснительное толкование, Конституционный Суд, как правило, предлагает соответствующим органам принять меры для исправления неопределенности законодательного акта. Будет ли существовать возможность реализовать соответствующую функцию на стадии предварительной проверки? Как будет реализовываться «предварительная» проверка, если на рассмотрение Конституционному Суду поступит, допустим, новый вариант Уголовного Кодекса? Все эти вопросы вызывают живейший научный интерес. На наш взгляд, оптимальным использование данного полномочия было бы в отношении законов о внесении изменений в существующие федеральные и федеральные конституционные законы. Не случайно вместе с обозначенным полномочием в Конституции закреплено и аналогичное полномочие, касающееся проектов законов о поправке к Конституции.

Значительное внимание привлекает и новое конституционное ограничение на подачу жалоб в Конституционный Суд гражданами. Напомним, что изначально граждане могли обращаться в Конституционный суд с жалобами на нарушение их прав и свобод законами и другими нормативными актами как примененными, так и подлежащими применению в конкретном деле. Впоследствии гражданам оставили возможность жаловаться только на уже примененные законы и нормативные акты. Теперь же на конституционном уровне закреплена возможность обращения в Конституционный Суд только при исчерпании всех других внутригосударственных средств судебной защиты. Напомним, что речь идет о жалобах на нарушение прав и свобод, по причине несоответствия нормы закона норме Конституции.

Как известно подобное разбирательство – это исключительная прерогатива Конституционного Суда РФ. Как в этом случае будет выглядеть механизм исчерпания всех возможных внутригосударственных средств судебной защиты остается невыясненным, ведь факт нарушения прав и свобод нормой закона, противоречащего Конституции, может подтвердить только Конституционный Суд. Остается, правда, еще ситуация, когда пробельность или коллизионность закона может быть разрешена на стадии «обычного» судопроизводства, и не стать предметом рассмотрения

Конституционного Суда, однако как ситуация будет развивать в иных случаях можно только прогнозировать.

Каким будет судебное конституционное производство в ближайшей перспективе ответить достаточно сложно. Остается ожидать новой редакции федерального конституционно закона и соответствующих правовых позиций Конституционного Суда РФ. Однако не вызывает сомнения, что место Конституционного Суда в политической организации публичной власти в ближайшей перспективе существенным образом изменится. Кроме того, существенное уменьшение количества судей видимо стоит связывать с предполагаемым уменьшением количества жалоб от граждан ввиду появления новых требований к допустимости жалобы, что достаточным образом сузит возможности непосредственно конституционной судебной защиты прав и свобод личности.

В свою очередь активная реализация новых возможностей Конституционного Суда, касающихся предварительного нормоконтроля (напомним, что до последних изменений предварительный нормоконтроль могут осуществляться Конституционным Судом только в отношении не вступивших в силу международных договоров) может привести к тому, что конституционное правосудие будет интегрировано в современный российский законодательный процесс, а сам Конституционный Суд станет его активным участником.

Отдельного внимания также заслуживают конституционные изменения, касающиеся организации и функционирования системы местного самоуправления в России. О том, что идея местного самоуправления в России развивается не вполне так, как изначально задумывалось, ученые говорят уже достаточно давно [1]. Нередко поднимается вопрос и самой целесообразности дальнейшей реализации идеи местного самоуправления в России. Речь идет о целой совокупности факторов материального, организационного и политического характера, напрямую влияющих на эффективность местной власти.

В первую очередь отметим, что из текста Конституции (ч. 1 ст. 131) были изъяты конкретные виды муниципальных образований, в частности, городские и сельские поселения. Примечательно, что традиционно в науке муниципального права данным видам муниципальных образований предавалось особое значение. Именно городские и сельские поселения признавались «идейной» основой организации муниципальной власти в России. И если целесообразность организации местного самоуправления, например, на уровне городских округов нередко ставилась под сомнение (что впоследствии привело к появлению новых видов муниципальных образований, призванных приблизить муниципальную власть к населению), то целесообразность организации местной власти на уровне городских и местных поселений, как правило, ни у кого не вызывала вопросов.

Официально признавалось, что и муниципальная культура жителей городских и сельских поселений находится на более высокой ступени развития из-за максимальной приближенности институтов власти к населению и особой актуальности различных форм непосредственной муниципальной демократии. Не случайно представителями науки муниципального права конкретные результаты процессов муниципальной урбанизации встречали очень настороженно. При этом соответствующая

аргументация доказывающая важность и незыблемость идеи местного самоуправления на уровне городских и сельских поселений отсылала нас, зачастую, именно к содержанию ст. 131 Конституции. В настоящий момент соответствующих положений в Конституции РФ нет. Возможно, потому что количество видов муниципальных образований, предусмотренных Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» приближается к десятку. Возможно, речь идет о полном переформатировании всей системы муниципальной власти. Как будет дальше развиваться ситуация покажет время. Однако, то, что местное самоуправление тем или иным способом планируется интегрировать в государственно-властную вертикаль не вызывает сомнения. Подтверждением этому тезису служит и новое положение Конституции о том, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти (ч. 3 ст. 132 Конституции РФ).

Обращая вниманию на технические аспекты конституционной реформы 2020 г., отметим, что много вопросов возникает и по поводу целесообразности изменения существующего порядка принятия поправок, установленного в главе девятой Конституции РФ, нормативным актом, который одновременно содержит и соответствующие поправки. В этой связи также небезынтересной является проблема, касающаяся возможности последующей редакции нововведенных конституционных положений, однако, уже без использования механизмов, примененных в ходе конституционной реформы 2020 г.

Другая часть вопросов касается проблемы точного и адекватного содержательного наполнения различных глав Конституции и способов предотвращения ситуация, когда те или иные конституционные положения располагаются в тексте Конституции с некоторым нарушением ранее установленного и уже ставшего традиционным порядка. В настоящий момент какие-либо соответствующие сдерживающие механизмы отсутствуют как в тексте самой Конституции, так и в тексте Федерального закона «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации».

Обращает на себя внимание и тот факт, что значительная часть изменений, внесенных в гл. 3 Конституции по своей концептуальности и значительному регулятивному потенциалу в большей степени соответствует содержанию первой и второй глав Основного Закона, а в отдельных случаях Преамбулы. На эту особенность Конституционной реформы 2020 г. уже обратили внимание исследователи [2]. В частности, подобные соображения можно высказать в отношении конституционной поправки о тысячелетней истории, памяти предков и веры в Бога (ч. 2 ст. 67.1). Из всех положений данной статьи, пожалуй, только признание исторически сложившегося государственного единства (ч. 2 ст. 67.1) однозначно относится к предметному полю главы третьей.

Что же касается остальных ее частей, касающихся России как правопреемника Союза ССР (ч. 1), памяти защитников отечества и защиты исторической правды (ч. 3), приоритета семейного воспитания, детей как приоритета государственной политики, их духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития, а также воспитания в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (ч. 4),

то из логики конституционного текста напрашивалось помещение данных положений в главы первую и вторую. Аналогичные соображения можно высказать и в отношении нового конституционного блока социальных гарантий, при всей важности и ценности их конституционного закрепления. Ситуация, когда обязательность гарантированного минимального размера оплаты труда закрепляется в главе «Основы конституционного строя» (ч. 2 ст. 7 Конституции РФ), а гарантии того, что минимальный размер оплаты труда должен быть не меньше величины прожиточного минимума - в главе «Федеративное устройство» (ч. 5 ст. 75 Конституции РФ), достаточно тяжело воспринимается в контексте внутренней логики конституционного текста. Аналогичные соображения можно высказать по поводу всего новейшего блока социальных гарантий. Вместе с тем сам факт того, что на конституционном уровне сделан еще один шаг на пути построения социального государства в России, безусловно, вызывает всеобщую поддержку.

Одновременно нельзя не отметить следующее обстоятельство. Первоначальная задумка о том, что предполагаемые изменения не будут затрагивать главы первую и вторую Конституции РФ, лишило законодателя возможности устранить некоторые неточности конституционного текста, на которые давно обращают внимание исследователи. Нет смысла в рамках данной статьи приводить даже примерный перечень положений глав первой и второй Конституции, требующих некоторой коррекции и уточнения.

Данной проблеме посвящено значительное количество научных работ. Однако, в контексте содержательных характеристик последних конституционных изменений, можно говорить о том, что все еще ждет своего уточнения перечень органов, осуществляющих государственную власть в Российской Федерации (ч. 1 ст. 11 Конституции РФ), особенно после конституционного закрепления еще одного органа публичной власти – Государственного Совета (п. е.5 ст. 83 Конституции РФ). Применительно к уже обсуждавшийся в статье сфере брачно-семейных отношений можно говорить, например, об отсутствии гарантий защиты института отцовства (ч. 1 ст. 38 Конституции РФ), как и о неполном перечне лиц, имеющих право на получении алиментов (ч. 3 ст. 38 Конституции РФ), значительно расширенный круг которых представлен в Семейном кодексе РФ (ст. 80 – 115).

В заключение отметим, что конституционная реформа 2020 года оставила больше вопросов нежели дала ответов. Несомненный интерес представляет ожидаемая крупномасштабная реформа отраслевого законодательства. На повестке дня изменение нескольких десятков законов, и если внесение изменений в отдельные нормативные акты будет предельно формализованным, то содержательную сторону других предполагаемых изменений можно лишь пытаться спрогнозировать. В этой связи больше всего вопросов к ожидаемой реформе института местного самоуправления, полномочиям и структуре Государственного Совета, а также «расшифровке» и конкретизации новых полномочий Конституционного Суда РФ. Отметим, что в последним случае больший интерес скорее представляет практика функционирования Конституционного Суда и непосредственно правовые позиции Конституционного суда, последующие за конституционной реформой 2020 года.

Литература

1. Авакьян С. А есть ли в России местное самоуправление? // Российская Федерация сегодня. 2009. № 16. С. 3-7.
2. Баринов Э.Э. Конституционная реформа-2020: особенности процедуры и юридической техники // Конституционное и муниципальное право. 2020. №8. С. 3-8.
3. Бондарь Н.С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. №6. С. 20-34.
4. Бондарь Н.С. Конституция России в современную эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму. Сер.: Библиотека судебного конституционализма. Вып. 9. М.: Юрист, 2018. - 83 с.
5. Зорькин В. Д. Конституция Российской Федерации – правовая основа интеграции российского общества // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 6 (66). С. 1–11.

Baranov Pavel Petrovich, doctor of law, professor, head of department of constitutional and municipal law RANEPA under the President of the Russian Federation, South Russian institute of management Rostov – on – Don, Russia**.** e-mail: pravosoznanie@gmail.com

POLITICAL AND LEGAL RESULTS OF THE 2020 CONSTITUTIONAL REFORM IN RUSSIA

Abstract

The article examines the political and legal aspects of the 2020 constitutional reform in Russia from the point of view of their impact on the further development of the entire system of political and constitutional legal relations in Russia. The author analyzes specific constitutional amendments both from the point of view of their technical implementation and in the context of assessing their political and legal substantive aspects, as well as their possible concretization in sectoral legislation. The article also pays special attention to the procedural aspects of constitutional reform, as well as issues related to the distribution of the "new" constitutional material in the relevant chapters. The article draws conclusions about the social conditioning, geopolitical predetermination and conservative orientation of the constitutional reform, however, some critical remarks are made regarding the ways to achieve the tasks set before the legislator.

Keywords: *marriage and family relations, the state language, constitutional reform, conservative values, constitutional justice, the Constitution of the Russian Federation, local self-government, individual rights and freedoms, separation of powers..*

References

1. Avak'yan S. A est' li v Rossii mestnoe samoupravlenie? // Rossijskaya Fe-deraciya segodnya. 2009. № 16. S. 3-7.
2. Barinov E.E. Konstitucionnaya reforma-2020: osobennosti procedury i yuridicheskoj tekhniki // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2020. №8. S. 3-8.
3. Bondar' N.S. «Vechnye» konstitucionnye idealy: naskol'ko oni neizmenny v menyayushchemsya mire? // Gosudarstvo i pravo. 2020. №6. S. 20-34.
4. Bondar' N.S. Konstituciya Rossii v sovremennuyu epohu global'nyh peremen: ot politicheskih illyuzij k yuridicheskomu realizmu. Ser.: Biblioteka sudebnogo konstitucionalizma. Vyp. 9. M.: YUrist, 2018. - 83 s.
5. Zor'kin V. D. Konstituciya Rossijskoj Federacii – pravovaya osnova inte-gracii rossijskogo obshchestva // ZHurnal konstitucionnogo pravosudiya. 2018. № 6 (66). S. 1–11.

УДК 342 DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-3-69-75

КАДРОВЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ КАК КРИТЕРИЙ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОДЗАКОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПАЛАТ ПАРЛАМЕНТА В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Червинская Александра Павловна кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Среднерусского института управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (г. Орел).
E-mail: sasha.m-87@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются кадровые полномочия палат парламента России и зарубежных стран, как критерий механизма разграничения подзаконной компетенции. Автор приходит к выводу, что существующий механизм обеспечивает реализацию принципа разделения властей вне законодательной деятельности обеих палат.

Ключевые слова: *парламент, компетенция, полномочие, власть, законодательный процесс, подзаконная компетенция.*

Опыт России и зарубежных стран показывает, что между палатами бикамерального парламента должна быть разграничена компетенция не только в части законодательной деятельности, но и вне законодательного процесса. Основная цель такого разграничения состоит в создание дополнительных гарантий реализации